

Крестовская Мария Всеволодовна

Вне жизни

Уголки театрального мирка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Всеволодовна К.**
Вне жизни: Уголки театрального мирка / Крестовская Мария Всеволодовна –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 391 с.

ISBN 978-5-519-91062-0

ISBN 978-5-519-91062-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВНѢ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ

I.

Когда Женичка Лидова выходила изъ института, это было такое чистое и милое существо, что всякій, знавшій ее, чувствовалъ къ ней безотчетное влеченіе. Всегда привѣтливая, веселая, довѣрчиво улыбавшаяся всѣмъ и всему, она невольно вызывала ласковую улыбку и на лица другихъ. Ея длинныя, серебристо-бѣлокурыя, слегка вьющіяся косы, большіе ясные глаза, граціозный овалъ лица и такія изящныя линіи шеи, нѣжно отдѣлявшейся отъ бѣлой институтской пелеринки, все это дышало свѣжестью и непорочностью семнадцатилѣтняго возраста и напоминало одну изъ прелестныхъ головокъ Грёза.

Попадется ли Женичка на глаза какойнибудь изъ классныхъ дамъ, такъ рѣдко нѣжничающихъ со своими питомками, та на глубокой реверансѣ Женички добродушно потреплетъ ее по щечкѣ или просто проговоритъ: «*bonjour, chère enfant!*» Маленькія воспитанницы, еще

издали завидѣвъ Женичку, радостно бѣжали къ ней навстрѣчу и, бросившись ей на шею, осыпали ее тѣми восторженными и звонкими поцѣлуями, которыми умѣютъ цѣловать лишь дѣти. Сама «таман», встрѣчая Женичку, всегда ласково подзывала ее къ себѣ и, приподнявъ ея хорошенькую головку своею тонкою и душистою, но уже старческою рукой, нѣжно цѣловала ее въ бѣлый лобъ. Даже горничныя, «полосатки», какъ ихъ называютъ въ институтѣ, кланялись и говорили ей «здравствуйте, барышня» съ какимъ-то особеннымъ добродушіемъ.

Женичка была коренною питомицей, любимицей и даже какъ бы гордостью чуть не всего института; быть можетъ, только потому, что дѣвочка по натурѣ была очень кротка и скромна, это всеобщее маленькое баловство не испортило ее. Женичка сама всѣхъ любила, а потому ей казалось естественнымъ, что всѣ любятъ ее. Въ своей наивности она думала даже, что всѣ люди любятъ другъ друга и что иначе и быть не можетъ. Она сама была добра и потому доброта въ другихъ не удивляла ее.

Съ тѣхъ поръ, какъ она начала сознавать себя, она не помнила ничего, кромѣ института и его стѣнъ, и представить себѣ жизнь внѣ его не могла и не умѣла. Другія ея товарки ѣздили на праздники домой, но у нея и то, что на институтскомъ языкѣ называется «домомъ», было въ томъ же институтѣ. У другихъ дѣтей были родные, знакомые, друзья: у Женички, кромѣ

матери, классной дамы, не было никакихъ родныхъ, а всѣ, кого она знала и любила, жили въ тѣхъ же институтскихъ стѣнахъ, гдѣ очутилась и она съ пятилѣтняго возраста.

Быть можетъ, именно благодаря этому-то, Женичка и приобрѣла ту всеобщую любовь, которою пользовалась теперь. Своихъ дѣтей въ институтѣ не было почти ни у кого, тѣмъ болѣе такихъ крошечныхъ, и маленькую, пухленькую крошку всѣ невольно ласкали и баловали.

Но теперь, когда пухленькій, розовый ребенокъ выровнялся постепенно во взрослую дѣвушку, Анна Петровна, взглянувъ порой на дочь, радостно вздыхала и улыбалась счастливою улыбкой. Сознаніе, что ея дѣвочка выросла, получила воспитаніе и кончаетъ курсъ первую ученицей, поднимало въ ней тихую, умиленную радость и какъ бы освѣщало ея невеселую жизнь. Ради этой цѣли, которую видѣла теперь уже достигнутою, она двѣнадцать лѣтъ тому назадъ принудила себя пожертвовать всѣмъ и отрѣшиться ото всего.

Послѣ смерти мужа, Анна Петровна осталась безъ всякихъ средствъ и съ трехлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ. Цѣлый годъ она кое-какъ перебивалась уроками, но заработокъ отъ нихъ былъ ничтоженъ; она сознавала, что на эти средства ей никогда не удастся дать своей дочери прочное и хорошее образованіе.

Сестра ея мужа была двадцать пятый годъ классною дамой въ институтѣ и дожидалась

только выслуги пенсіи, чтобы выйти, какъ она говорила, «на покой».

— Хочешь, я рекоменкую тебя начальницѣ на мое мѣсто? Для меня это сдѣлають!—спрашивала она у Анны Петровны.

Красивой, немного застѣнчивой, но еще полной жизни Аннѣ Петровнѣ едва стукнуло 27 лѣтъ, и часто бывая у золовки, приглядываясь къ ея безцвѣтной жизни и слушая всѣ ея рассказы объ институтѣ и его бытѣ, она немного пугалась при мысли о возможности занять ея мѣсто. Что-то безотчетно страшило и отталкивало ее отъ этого института, который сама золовка ея называла «разсадникомъ лицемѣрія и интригъ».

Аннѣ Петровнѣ казалось, что разъ она очутится въ стѣнахъ института, вся ея личная жизнь, всякая надежда на возможность новаго счастья, желанія, стремленія, все навсегда уже будетъ утрачено.

Ей были непріятны и самый институтъ, и его жизнь, и его обычаи, установившіяся разъ навсегда воззрѣнія его, и даже всѣ тѣ чужіе для нея люди, что жили тамъ и съ которыми, поступая туда, она должна будетъ провести полжизни, отрѣшившись ото всего, что ей нравилось и было дорого, всецѣло подчиниться «ихъ» жизни, ихъ взглядамъ, убѣжденіямъ и ихъ привычкамъ. И все это казалось ей такимъ холоднымъ, чопорнымъ, непривычнымъ для нея, что ей невольно становилось тяжело, грустно и страшно при мысли объ этомъ мѣстѣ.

Но въ то же время Анна Петровна понимала, что это почти единственный для нея исходъ изъ нищеты и единственная возможность дать дочери образованіе. И вотъ, переломивъ себя, выдержавъ сама съ собой не мало борьбы и искушеній, она согласилась и, принявъ предложеніе золовки, перешла чрезъ нѣсколько времени въ институтскія стѣны уже въ роли классной дамы.

Сначала ей до того трудно было свыкаться съ новою жизнью между всѣми этими чужими и какъ бы непріятными для нея даже людьми, что, освобождаясь отъ дежурства и приходя въ свою комнату, она не выдерживала и плакала по нѣсколько часовъ.

Ей становилось жаль своей потерянной свободы, независимости, молодости и она инстинктивно предчувствовала, что онѣ утрачены навсегда. Но чрезъ годъ она стала мало-по-малу осваиваться. Когда ей дѣлалось слишкомъ тяжело, она уже старалась утѣшать себя. Ея положеніе было все-таки лучше доли многихъ другихъ, жившихъ съ нею въ однѣхъ стѣнахъ. Во-первыхъ, у нея былъ ребенокъ, а во-вторыхъ, она все-таки же получила свою долю счастья и любви, тогда какъ у большинства ея теперешнихъ товарокъ не было никогда свѣтлыхъ, счастливыхъ страничекъ жизни, никакихъ увлеченій молодости...

Большинство классныхъ дамъ были уже пожилыя дѣвушки, какъ бы высохшія въ своемъ

застоѣ и на видѣ холодныя, черствыя. Вначалѣ, когда Анна Петровна еще раздумывала о подобныхъ вещахъ, она невольно жалѣла ихъ и многое прощала имъ ради ихъ безцвѣтнаго прошлаго. Приглядываясь къ нимъ, она понемногу перестала и дичиться ихъ, а нѣкоторыхъ даже полюбила. Къ тому же, многимъ изъ нихъ она въ душѣ была глубоко благодарна за ту ласку, которую онѣ оказывали ея ребенку, и уже съ большимъ терпѣніемъ сносила множество едва уловимыхъ, но обидныхъ и оскорбительныхъ для нея мелочей съ ихъ стороны, сначала совершенно отравлявшихъ ея жизнь въ институтѣ, гдѣ всегда косятся на каждаго новаго члена огромной семьи,—будь это классная дама, учитель, воспитанница, сама начальница или даже полосатка. Это чувство непріязни къ «новымъ» такъ сильно развито, что даже маленькія дѣти всякую поступающую къ нимъ новенькую сначала изподтипка засмѣютъ и задразнятъ. Но разъ новый членъ мало-по-малу обжился, всѣ привыкаютъ къ нему и оставляютъ въ покоѣ. Вскорѣ находятъ даже друзья, и дружба эта хотя въ большинствѣ случаевъ и кончается тотчасъ по выходѣ изъ института, но тѣмъ не менѣе почти всегда бываетъ очень искренняя и нѣжная.

И такъ, съ годами Анна Петровна, постепенно и незамѣтно для самой себя, совершенно втянулась въ институтскій строй жизни, тѣмъ болѣе, что ея маленькой Женичкѣ тутъ было прекрасно:

дѣвочка не скучала и отлично чувствовала себя среди этого множества забавлявшихся съ ней дѣтей и взрослыхъ, съ которыми она сдружилась гораздо скорѣй и легче, чѣмъ ея мать.

Когда Женичкѣ минуло десять лѣтъ, Анна Петровна отдала ее въ «классы». Она нарочно пропустила одинъ годъ для того, чтобы Женичка попала именно въ ея классъ и чтобы такимъ образомъ самой вести дочь въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ.

Тревожно и радостно забилося сердце Анны Петровны, когда Женичка въ первый разъ надѣла институтское платье. За все время разныхъ экзаменовъ, въ которыхъ про форма испытывали знаніе Женички, Анна Петровна волновалась и трусила гораздо больше самой дѣвочки, которая, будучи заботливо приготовлена матерью, блистательно сдавала свой маленькій экзамень.

Когда все кончилось и Женичку записали и «приняли», Анна Петровна вздохнула съ радостнымъ облегченіемъ и, цѣлуя дочь, не могла удержаться отъ счастливыхъ слезъ.

— Смотри же, дѣточка, говорила она взволнованно, — учись, милая, и главное помни, что если ты будешь плохо учиться и дурно вести себя, тебя выключать и намъ съ тобой придется остаться на улицѣ!

Хотя Женичка и не совсѣмъ ясно понимала что это значить «остаться на улицѣ», но чувствовала, что это должно быть нѣчто такое ужасное, о чемъ страшно даже и думать.

Она со слезами обнимала мать и увѣряла, что будетъ и учиться, и вести себя какъ можно лучше.

Въ этотъ день всѣ поздравляли Анну Петровну и особенно нѣжно ласкали нѣсколько сконфуженную Женичку.

Женичка сдержала данное матери слово и училась всѣ семь лѣтъ прекрасно. Анна Петровна внимательно слѣдила за ней, сама помогала ей справляться съ уроками и съ каждымъ годомъ начинала все больше сознать себя счастливою матерью. Ея дочь была первою ученицей и вдобавокъ обѣщала сдѣлаться замѣчательно хорошенькой дѣвушкой.

— Наша Женичка съ каждымъ годомъ все хорошѣетъ, говорила ей, бывало, начальница или кто нибудь изъ классныхъ дамъ.

Анна Петровна радостно вспыхивала, улыбалась и, подозвавъ къ себѣ дочь зачѣмъ нибудь, заботливо оправляла ей пелеринку или волосы и окидывала ее умиленнымъ взглядомъ материнскихъ глазъ...

Съ каждымъ новымъ годомъ Анна Петровна худѣла, старилась и дурнѣла, а Женичка выростала, расцвѣтала и хорошѣла. Казалось, что мать, увядая сама, передавала дочери свою молодость, свѣжесть и красоту.

Но время быстро шло, наступилъ послѣдній годъ. Женичка была въ выпускномъ классѣ и кончила на первую золотую медаль.

Впервые переступивъ институтскій порогъ,